

Дуйшалиева А.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

A. Dyishalieva

**THEORETICAL FUNDAMENTALS OF THE PHENOMENON
OF POLITICAL PROTEST**

УДК:340.2(573)

В данной статье рассматриваются теоретические основания феномена политического протеста.

This article discusses the theoretical fundamentals of the phenomenon of political protest.

В процессе развития практики протестного поведения в демократическом обществе формируется система социальных субъектов (акторов и контрагентов), взаимодействующих в поле практических политических интересов, что ведет к вызреванию мобилизационного потенциала рядовых участников и лидеров протестных движений, совершенствуются формы протестной активности. Политический протест, таким образом, приобретает устойчивые, институциональные формы бытия, усложняясь и совершенствуясь, требуя соответствующей теоретической проработки. От основательности теоретического осмысления данного феномена во многом будут зависеть будущие контуры института политического протеста в нашей стране, его место и роль в общественной жизни Кыргызстана.

К настоящему времени политический протест вполне определенно выделился в качестве самостоятельной предметной области в зарубежной политической науке, однако, как категория политической науки на пространстве СНГ, в том числе и Кыргызстане все еще остается недостаточно разработанной. В специальной политологической литературе данная категория встречается значительно реже, чем на страницах газет, в сводках новостей и журнальной публицистике. Иногда ее отсутствие трудно объяснить. Так, например, современные политологические словари часто вообще игнорируют эту категорию¹. В предметном указателе популярного у нас издания «Политическая наука: новые направления» такое понятие просто не значится.

В публикациях теоретического характера, специально посвященных анализу данной категории, сохраняется заметный содержательный разброс смыслов, вкладываемых в понятие политического протеста. Чаще всего, под политическим протестом понимается «сознательное невыполнение правил, установленных политическим режимом» или разновидность «неконвенционального действия, т.е. действия, не соответствующего законным и

традиционным нормам режима». Так, российский социолог В.В.Сафронов, рассматривая политический протест в качестве разновидности политического поведения, склонен в последнем усматривать четыре разновидности: конвенциональное политическое поведение, неконвенциональное политическое поведение, политический протест и политическое насилие. Перечень явлений, подпадающих под определение политического протеста, отождествляет его с «акциями, выходящими за рамки демократических процедур», «с насилием, направленным на изменение режима»². Подобная трактовка встречается иногда и в западной литературе, где протестное поведение также характеризуется в качестве неконвенционального действия³.

Конвенциональное политическое поведение строится в соответствии с нормами права или традиции, которые регулируют участие людей в политике при данном режиме. Неконвенциональное политическое поведение нарушает эти нормы и выражается в прямом коллективном действии, минуя систему представительства интересов, оставаясь в то же время в рамках закона (подписание петиций и законные митинги, демонстрации, забастовки). Политический протест отличается от неконвенционального поведения тем, что эти акции не предусматриваются законами, но и не предполагают обращения к насилию (незаконные митинги, демонстрации и забастовки). Наконец, политическое действие, которое нарушает последнее условие, относятся к политическому насилию (перекрывание уличного движения, захват производственных территорий или зданий органов власти с учетом провоцирующего на репрессии характера таких действий).

Столь существенное ограничение возможных проявлений политического протеста носит явно односторонний характер, обедняя как саму категорию, так и политическую действительность, которая весьма богата всевозможными нюансами состояний политического протеста за рамками неконвенциональности. В самом деле, в Кыргызстане, по мнению Д.Нарынбаева, учитывая опыт развитых демократических стран, определенные акции протестного характера, к примеру как организация митингов - не только узаконены, но и

² Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива. // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. № 4. – С.25-31.

³ См.: A.Marsh. Political Action in Europe and the USA. London, 1990. – С.45-52.

¹ См.: Политология. Энциклопедический словарь. - М., 1993; Политология. Краткий энциклопедический словарь-справочник. - М, 1997.

вполне вписываются в современные нормы политического поведения⁴. Пикеты, демонстрации, политические шествия, акции гражданского неповиновения вплоть до блокирования автомагистралей составляют довольно распространенную кыргызскую политическую практику и воспринимаются после двух революций, властью и населением достаточно терпимо. Более того, подобные акции сейчас часто рассматриваются как показатель зрелости гражданского общества, как вполне допустимый способ защиты гражданских и социальных прав населения, ведущий к совершенствованию конкурентной политической системы Кыргызстана.

Стоит также отметить, что и сама Конституция предоставляет гражданам право на осуществление протеста. В ряде конституционных положений - это право закреплено не только в принципе, как возможности «защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законами»⁵, но и как право на выражение протеста в конкретных формах: митинги, демонстрации, шествия, пикетирование, забастовки.

Выведение акций политического протеста за рамки конвенциональных норм политического поведения, кроме прочего, заметно ограничивает, саму область его существования. Такая позиция неоправданно исключает всевозможные акции недемонстративного характера, например, сознательный отказ от участия в выборах, принципиальное игнорирование организуемых властью политических мероприятий, сочувствие или молчаливая поддержка всевозможных политических движений и действий протестного характера. По мнению политолога М.Казакпаева, при всей внешней незаметности такой настрой или, можно сказать, установка ряда оппозиционных групп на потенциальный протест, оказываются в Кыргызстане существенным фактором развития политических событий и, конечно, и уже не могут игнорироваться политической практикой, при анализе конкретной расстановки политических сил в обществе⁶.

Вместе с тем, было бы ошибкой относить любое несогласие с политическим режимом или его конкретными действиями к явлениям политического протеста. Далеко не всегда подобное несогласие совпадает с готовностью (даже потенциальной) участвовать в политических акциях протеста. Более того, возможны случаи, когда в конкретной политической ситуации выбора формы и направленности политического поведения, граждане, склонные к критическому восприятию действующей власти,

скорее встанут на ее защиту, чем будут участвовать в мероприятиях политического противодействия этой власти. Нельзя, на наш взгляд, назвать протестным и стремление человека быть свободным от политики, т.е. не принимать в ней участие по каким-либо моральным, мировоззренческим соображениям или даже простому нежеланию быть публично активным. Хотя на этот счет существует и другое мнение.

Следует отметить, что в современной научной политологической литературе пока слаба методологическая проработка подходов к исследованию политического протеста, а также связь выдвигаемых здесь гипотез с теоретическими положениями современной политологии, социологии и конфликтологии. Поэтому довольно часто встречается весьма расширительная трактовка понятия политического протеста как политического поведения, направленного против существующей власти или ее отдельных действий, вплоть до стремления к изменению самого политического режима. В 1981 г. социолог Ю. Левада предложил включать в понятие политического протеста "сознательную политическую оппозицию, общественный протест и мировоззренческое диссидентство". Уточнению современной смысловой определенности понятия политического протеста способствует ретроспектива конкретного опыта исследования советского опыта протестного движения⁷. На сегодня постепенно исследование стали дифференцироваться по различным типам протестного поведения и по предметным областям. Появились первые попытки эмпирических исследований, в которых основное внимание концентрировалось вокруг мобилизационных факторов протестной активности, организации и собственно протестных действий.

В то же время появились первые опыты теоретического осмысления протестного феномена с использованием западных методологических подходов. В частности, использовались теории структуры политических возможностей и цикла культуры политического протеста, разработанные Г.Китчелом, Ч.Тилли и С.Тэрроу⁸. Исследования протестных движений велись, как правило, в рамках более широкого дискурса, включающего в себя проблемы реформирования экономической и политической жизни, формирования гражданского общества и правового государства, становления и развития общественных движений разной направленности⁹.

На начальном этапе развития протестного движения в западной науке обнаружили две

⁴ Нарынбаев Д.И. Правовые особенности политической системы Кыргызской Республики на современном этапе. // Известия ВУЗов. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2010, № 3. – С.35-41.

⁵ Конституция Кыргызской Республики. – Б., 2010.

⁶ Казакпаев М.С. Проблемы политической радикализации кыргызской оппозиции: политико-правовой аспект. // Политика и право – 2009, № 2 – С.36-42.

⁷ Левада Ю. Массовый протест: потенциал и пределы // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень, 2007. № 3. – С.13-18.

⁸ Kitselt H. Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movement in Four Democracies// British Journal of Political Science. 1986. V. 16

⁹ Яницкий О.И. Экологическое движение // Социологические исследования. 1989, №6.

группы исследователей, пишущих об этом с позитивных и негативных оценочных позиций. Первые были в той или иной мере включены в протестные настроения и писали о протестных акциях, обращая внимание на их объективную мотивированность, вторые - сторонники режима, обращали внимание на материальные и иные издержки, которые неизбежны в результате акций протеста и влекут за собой ущемление интересов и прав других категорий гражданского населения.

Первые опыты теоретического исследования протестного движения выявили недостаточность позитивистских методов и трудности дистанцирования от объекта. В работах этого периода обсуждалась техника «наблюдающего участия», которую использовали западные политологи в первой половине 80-х годов¹⁰. Позднее применялись методы социологической интервенции, комплексного исследования отдельного случая, анализ события, биографический метод, глубинное интервью. В результате политический протест и его культурный компонент, как явление в контексте демократических преобразований, стал рассматриваться в качестве важной составляющей политической культуры населения и в современном Кыргызстане¹¹.

Российские ученые Д.Ольшанский, Г.Монусова, А.Кинсбургский и М.Топалов перешли к активному использованию социально-психологической теории относительной депривации, согласно которой неудовлетворенность социальных групп, вызванная расхождением ожиданий с возможностями их удовлетворения, является показателем социальной напряженности и при определенных обстоятельствах может вылиться в открытый протест¹². При этом следует заметить, что, строго говоря, на основе анализа недовольства и готовности к протесту нельзя делать вывод о реальном участии. Анализ ориентации должен соединяться с анализом самого действия, который требует не опроса всего населения, а иных методов. Для изучения протеста как формы общественной активности необходимо исследование акций и контингента лиц, участвующих в таких акциях.

В.В. Сафронов обращает внимание на противоречивость объяснений феномена протеста в российском контексте, которая может быть связана, по его мнению, с различием теоретических подходов, на которые явно или латентно ориентируются

исследователи, представляющие «депривационное» и «политическое» направление¹³.

Первое направление изучает протестную реакцию на экономическую депривацию - падение уровня жизни в целом или на рост цен, инфляцию, безработицу и т.п. Здесь утверждается, что потенциал протеста выше там, где хуже экономические условия (в малых городах по сравнению со столицами, на периферии по отношению к центру), у обездоленных и противников рыночных реформ - всех, материальные условия жизни которых значительно ухудшились по сравнению с предыдущим периодом.

Являясь производным фактором динамичного политического развития в Кыргызстане, культура политического протеста предстает как весьма сложное, многомерное явление политической жизни. Можно выделить, как минимум, следующие его качественные измерения в стране:

Во-первых, политический протест у кыргызских оппозиционных сил может существовать в виде внутреннего состояния неприятия политического и экономического курса власти или сложившейся политической системы в целом.

В кыргызской политике роль субъективного фактора чрезвычайно велика. В данном контексте речь идет о «субъективном» в деятельности, т.е. специфическом феномене, составляющем намеренное начало всякого, в том числе и предполагаемого, поведения и действия. Складывающееся умонастроение, гражданская позиция или предрасположенность к тому или иному сценарному варианту развития событий могут играть в политике существенную роль. Особенно она возрастает, когда определенный субъективный настрой становится массовым явлением в отдельном регионе. В политической практике успех того или иного политического предприятия в решающей степени зависит от внутреннего состояния лидеров и принятия его массой, от созревшей готовности поддержать его действием или непротивлением.

Во-вторых, природа кыргызского политического протеста – это определенная форма выражения несогласия, сопротивления, неприятия господствующего политического курса оппозицией, т.е. то, что, чаще всего, выражается определенной акцией, действием, поступком протестного характера. Арсенал подобных действий не только велик, но и неисчерпаем. Можно говорить о массовых и индивидуальных формах политического протеста, о мирных и немирных, организованных и стихийных, прямых и демонстративных, обычных и нетрадиционных политических акциях протестного характера. Кроме того, само протестное поведение в стране может значительно разнообразиться в зависимости от

¹⁰ Яницкий О.П. Экологическое движение // Социологические исследования. 2009, №6.

¹¹ Политический протест: Опыт эмпирического анализа. Исследование аналитического центра «Полис-Азия» // Известия ВУЗов. Серия: социально-гуманитарные науки. 2011, № 2. – С.34-39.

¹² Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. М., 1995.; Монусова Г.А. Мотивы и ценности участия в демократическом движении // Социологические исследования. 1993, № 6.; Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. Социодинамика массовых политических действий. М., 1992.

¹³ Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4.

целого ряда экономических и социальных причин резонансного характера, приобретая форму митинговой демонстрации. В частности, в кыргызской практике актуализируются такие политологические понятия, как «протестная активность» и «культурный протестный потенциал». Первое характеризуется степенью охвата граждан различными формами протеста в отдельном взятом регионе, а также динамикой развития протестного поведения. Второе – склонностью граждан участвовать в протестных акциях при определенных сложившихся условиях.

Наконец, в-третьих, политический протест в Кыргызстане – это явление политики, атрибут массовой протестной культуры, представляющий собой политические действия оппозиционных групп с привлечением электората, противодействующих политике власти в целом, по какой-либо значимой политической или социально-экономической проблеме. Хотя необходимо признать как таковой, политический протест присутствует в любой системе политических отношений, сопровождает развитие любого политического режима и в принципе неустрашим из политической сферы.

Таким образом, политический протест в современном Кыргызстане выражает сложный, противоречивый, часто нелинейный характер политического развития. Вне политического протеста в той или иной форме, политическое развитие как реальный процесс отношений в Кыргызстане не существует. В то же время, всякое изменение форм и методов проводимой политики неизбежно влияет на особенности существования и проявления состояний культурного компонента политического протеста.

Литература:

1. Казакпаев М.С. Проблемы политической радикализации кыргызской оппозиции: политико-правовой аспект. // Политика и право – 2009, № 2 – С.36-42.
2. Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. Социодинамика массовых политических действий. М., 1992.
3. Kitselt H. Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movement in Four Democracies// British Journal of Political Science. 1986. V. 16
4. Конституция Кыргызской Республики. – Бишкек, 2010.
5. Левада Ю. Массовый протест: потенциал и пределы // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень, 2007. № 3.
6. Монусова Г.А. Мотивы и ценности участия в демократическом движении // Социологические исследования. 1993, № 6.
7. Нарынбаев Д.И. Правовые особенности политической системы Кыргызской Республики на современном этапе. // Известия ВУЗов. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2010, № 3.
8. Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. М., 1995.
9. Политология. Энциклопедический словарь. - М., 1993.
10. Политология. Краткий энциклопедический словарь-справочник. - М, 1997.
11. Политический протест: Опыт эмпирического анализа. Исследование аналитического центра «Полис-Азия» // Известия ВУЗов. Серия: социально-гуманитарные науки. - 2011, № 2.
12. Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива. // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4.
13. Яницкий О.П. Экологическое движение // Социологические исследования. 2009, №6.

Рецензент: д.филос.н. Утуров К.У.